

ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГРАНИЦЪ РОССІИ.

Несмотря на всѣ стремленія къ возможному избѣжанію гибельныхъ для человѣческаго развитія войнъ, онѣ, вѣроятно, еще долго будутъ раззорять цѣлыя страны. Да и Богъ вѣсть еще, дойдетъ ли когда нибудь родъ человѣческой до такого состоянія, въ которомъ бы война, военная сила и, вообще, всякое насиліе сдѣлались совершенными анахронизмами, пустыми словами, не имѣющими значенія и оставшимися въ языкѣ народовъ только какъ воспоминаніе о давно прошедшихъ, невозвратныхъ уже бѣдствіяхъ. Конечно, стремленіе къ подобному состоянію весьма похвально и нельзя сказать, чтобы было совершенно безплодно; но окончательный результатъ его очень далекъ, и, безъ

всякаго сомнѣнія, еще много будетъ пролито крови человѣческой, немало потрачено миллионѣвъ прежде, чѣмъ удастся достигнуть его. И это вполне понятно, потому что корень этого великаго, но неизбежнаго зла заключается въ самой натурѣ человѣка, въ его страстяхъ, которыя, конечно, могутъ быть смягчены цивилизаціей, но не могутъ быть совершенно искоренены изъ сердца людскаго. Общество можетъ даже и не оправдывать этихъ страстей, порицать ихъ, но, тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе разныхъ слабостей человѣческихъ, оно всегда болѣе или менѣе будетъ, въ то же время, имѣть потворствовать и покоряться. Дойти же до такого положенія, въ которомъ бы совершенно уничтожились слабости и страсти человѣческой природы, общество только можетъ желать и стремиться; но рассчитывать на непремѣнное достиженіе благотворной цѣли — увѣ! — почти нѣтъ никакой надежды. Но неужели жъ, вслѣдствіе этой безнадежности въ возможности достиженія вѣчнаго мира на землѣ, народы и государства должны безропотно подчиниться судьбѣ и приносить огромныя жертвы для достиженія силою оружія разныхъ цѣлей своихъ стремленій? Неужели жъ, если война и военная сила считаются неизбежнымъ уже зломъ, то нѣтъ, по крайней мѣрѣ, какихъ либо средствъ къ уменьшенію этого зла? Крайне прискорбно было бы получить на этотъ вопросъ отвѣтъ утвердительный; но, къ счастью, смѣло можно сказать, что есть для этого средства, и, притомъ, весьма дѣйствительныя. Средства эти заключаются, съ одной стороны, въ возможномъ уменьшеніи степени вѣроятности войнъ, къ чему стремится вся современная дипломатія и политика, а съ другой стороны — въ возможномъ уменьшеніи тѣхъ бѣдствій, которыя неизбежно сопровождаютъ всякую уже начатую войну. Такъ, особенно, въ послѣднее время, между европейскими государствами все болѣе и болѣе укореняется мысль о возможности и необходимости мирнаго рѣшенія спорныхъ вопросовъ посредствомъ конгрессовъ, голосъ которыхъ, быть можетъ, и получить наконецъ когда нибудь современемъ право рѣшать большую часть несогласій международныхъ. Такимъ образомъ, самая возможность войны можетъ сдѣлаться менѣе вѣроятною. Но еще болѣе облегченій принесть уже духъ новѣйшаго времени въ начатыхъ войнахъ, отвратить которыя нѣтъ никакой возможности. Въ прежнее время, война, нача-

тая между двумя государствами, всегда болѣе или менѣе тяжелымъ бременемъ ложилась и на другія, не воссавшія государства; вмѣстѣ съ началомъ войны всегда страдала значительно торговля, а ея упадокъ отражался и на всѣ прочія отрасли государственной жизни. Теперь же это въ нѣкоторой степени облегчено, вслѣдствіе рѣшеній парижскаго конгресса 1856 года, по которымъ для морскаго права положены совершенно новыя начала (*). Но въ особенности при прежнихъ войнахъ страдали жители самаго театра войны и ближайшихъ къ нимъ странъ. На нихъ были налагаемы громадныя контрибуціи, взымались страшныя поборы за самое ничтожное вознагражденіе, а часто и вовсе безъ него; вслѣдствіе того, обѣ арміи старались какъ можно болѣе раззорять тѣ страны, которыя могли достаться въ руки противника, для того, чтобы этимъ самымъ отнять у него возможность къ усиленію себя. Напротивъ того, въ новѣйшихъ войнахъ стараются какъ можно болѣе щадить мирныхъ жителей и ихъ имущества. Военныя дѣйствія стали вести арміями противъ армій, а не противъ цѣлыхъ странъ и мирныхъ ихъ обитателей, разумѣется, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда народная война дѣлаетъ всѣхъ жителей воинами и когда арміи, по необходимости, должны видѣть въ каждомъ мирномъ гражданинѣ — врага и противника. Притомъ же, въ новѣйшія времена, признана вполнѣ необходимость и большаго сбереженія силъ членовъ армій; солдату облегчена возможность болѣе легкаго перенесенія всѣхъ трудностей военнаго времени, улучшено его содержаніе, обращено вниманіе на сохраненіе и возстановленіе его здоровья, а этимъ значительно сбережены его силы, уменьшена болѣзненность и смертность въ арміяхъ, а слѣдовательно уменьшена и необходимость болѣе частаго пополненія армій.

Все это значительно можетъ уменьшить самую вѣроятность войнъ въ будущемъ и, въ случаѣ неизбежности войны, можетъ

(*) Считаемо не лишнимъ припомнить здѣсь эти начала: 1) каперство навсегда отмѣняется; 2) нейтральный флагъ покрываетъ непріятельскій товаръ, кромѣ одной военной контрабанды; 3) нейтральный товаръ, за изыятіемъ, конечно, военной контрабанды, не захватывается даже и подъ непріятельскимъ флагомъ; 4) блокады обязательны въ томъ лишь случаѣ, когда онѣ существуютъ на самомъ дѣлѣ, т. е. поддерживаются силою, достаточною для дѣйствительнаго прегражденія доступа къ непріятельскимъ берегамъ.

облегчить ея бѣдствія. Но, тѣмъ не менѣе, война все-таки всегда останется возможною, а потому всегда останется необходимость для государствъ быть болѣе или менѣе готовыми къ войнѣ. Конечно, степень готовности этой можетъ быть чрезвычайно различна, но всегда она будетъ требовать нѣкоторыхъ пожертвованій и усилій. Особенно же въ новѣйшія времена, съ усовершенствованіемъ военнаго искусства, когда оно сдѣлалось болѣе сложнымъ, болѣе требовательнымъ, степень готовности должна быть весьма значительна и требуетъ огромныхъ затратъ, даже среди самаго глубокаго мира. Быть можетъ, государство и избавится, въ теченіе какого нибудь періода времени, отъ войны, но, тѣмъ не менѣе, оно должно быть всегда готово принять и отразить тѣ удары, которые могутъ быть на него направлены безпокойнымъ или честолюбивымъ сосѣдомъ. Эта-то необходимость всегдашней, большей или меньшей, готовности къ войнѣ и составляетъ тоже одно изъ тѣхъ несчастій, которыя являются вслѣдствіе неизбежности войнъ, а потому и должно стремиться къ тому, чтобы, по крайней мѣрѣ, ограничивать, сколько возможно, эту готовность вполнѣ лишь самымъ необходимымъ, чтобы она стоила государству наивозможно меньшихъ жертвованій. Достигнуть же этого, по крайней мѣрѣ, отчасти, можно было бы опредѣливши предварительно, въ чемъ именно должна заключаться эта необходимая готовность къ войнѣ, или, иначе, откуда государство болѣе всего можетъ ожидать войны, какой именно и въ какихъ предѣлахъ? Изъ этого послѣдняго опредѣленія уже легко могла бы быть опредѣлена и степень готовности къ войнѣ, дѣйствительно, разумно необходимой для государства.

Между всѣми условіями, отъ которыхъ можетъ зависѣть необходимая для государства большая или меньшая степень готовности къ войнѣ, весьма важное мѣсто, конечно, занимаютъ современное политическое и географическое положеніе государства. Даже и первое, въ нѣкоторой степени, находится въ зависимости отъ втораго, такъ какъ политическое значеніе государства въ ряду другихъ государствъ обуславливается, въ нѣкоторой степени, какъ величиною его территоріи, мѣстными ея свойствами, такъ еще болѣе и тѣми границами, въ которыхъ установилось государство. Географическое же положеніе государства является

какъ бы результатомъ всей прожитой имъ жизни, показываетъ, на чемъ именно остановилось государство въ извѣстную эпоху, какъ велики его предѣлы и каково должно быть, вслѣдствіе того, его дѣйствительное значеніе; оно же указываетъ и на то, къ какимъ рубежамъ успѣло придвинуться государство, способствуютъ ли эти рубежи его оборонѣ, или же, напротивъ, вызываютъ мѣры искусственныя для этой обороны; наконецъ, географическое положеніе государства показываетъ и на то, къ какимъ сосѣдямъ прилегасть государство, а слѣдовательно на сколько сосѣдство это можетъ возбуждать необходимость военной силы и какой именно, то есть, нужны ли арміи сухопутныя, или флоты, постоянныя регулярныя войска, или же только однѣ милиціи, достаточно ли однихъ малыхъ фортовъ и крѣпостей, или же необходимы большія, сильныя крѣпости.

При такой важности вліянія географическаго положенія государства на степень необходимой въ немъ военной силы, весьма интересно взглянуть на то, въ какой степени это вліяніе оказывается дѣйствительнымъ въ нашемъ огромномъ отечествѣ, которое, при обширности своей, представляетъ чрезвычайно много совершенно различныхъ условій и требованій для существованія военной силы. Раскинувшись въ трехъ частяхъ свѣта, имѣя одного протяженія границъ до 20,000 верстъ, соприкасаясь съ владѣніями болѣе, чѣмъ десяти самостоятельныхъ государствъ, изъ которыхъ многія замѣчательны по своему могуществу и силѣ, Россія, очевидно, должна представлять самыя разнообразныя условія на своихъ предѣлахъ, а условія эти, между тѣмъ, имѣютъ весьма большое вліяніе на степень развитія ея вооруженныхъ силъ. Посмотримъ же, въ чемъ преимущественно заключаются эти условія и каково вліяніе ихъ на военныя силы государства.

По величинѣ своей территоріи, Россійская имперія далеко превзошла всѣ государства какъ древняго, такъ и новаго міра. По новѣйшимъ исчисленіямъ, общее пространство ея владѣній слѣдующее: (*)

(*) Свѣдѣнія эти заимствованы изъ статьи г. академика Кепена, помѣщенной въ «Бюллетеняхъ» Императорской Академіи Наукъ 1860 года, т. I, № 8.

	кв. миль.
<i>Въ Европѣ</i> : собственно Европейская Россія, за исключеніемъ зауральскихъ частей Оренбургской и Пермской губерній	89,776. ²⁹
Царство Польское	2,326. ⁶⁰
Великое княжество Финляндское	6,844.
Итого въ Европѣ	98,947.⁰⁹
<i>Въ Азій</i> : зауральскія части Оренбургской и Пермской губерній	4,513. ³²
Кавказское намѣстничество, безъ Сѣвернаго Кавказа, отнесеннаго къ Европѣ	3,880. ⁶⁴
Западная Сибирь, съ землями Киргизовъ Большой и Малой орды	83,067. ²⁰
Восточная Сибирь, безъ Манджурскаго берега	177,374. ⁴⁰
Итого въ Азій	268,835.⁵⁶
<i>Въ Америкѣ</i> : владѣнія Россійско-Американской Компаніи	24,298. ⁶⁰
Всего	392,081.⁴⁵

Со включеніемъ же всѣхъ мелкихъ острововъ и части Манджурскаго берега, которые не вошли въ это исчисленіе, надо полагать, что настоящее пространство Россійской имперіи, съ царствомъ Польскимъ и великимъ княжествомъ Финляндскимъ, должно простираться отъ 392¹/₂ до 393 тысячи квадратныхъ миль, или до 19,000,000 квадратныхъ верстъ, что соотвѣтствуетъ 1,980,000,000 десятиинъ!

Почти нѣтъ возможности сравнивать громадную по своему пространству Россію съ другими, самыми даже большими, государствами земнаго шара. Китай занимаетъ всего до 250,000 квадратныхъ миль; Великобританія, со всѣми своими обширными, но разбросанными колоніями — 280,000; наконецъ Бразильская имперія имѣетъ только 150,000 квадратныхъ миль пространства. Стало быть, имъ нельзя сравниться съ имперіей, занимающей до 400,000 миль пространства. Конечно, могутъ сказать, что не изъ всей этой массы территоріи государство можетъ извлекать

равную пользу, что нѣкоторыя, и даже весьма многія, части ея совершенно бесполезны для внутренняго развитія государства. Согласимся и на это даже, возьмемъ только одну Европейскую Россію, которая, такъ сказать, сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ главнѣйшіе элементы государственной жизни, и тогда получимъ огромную цифру 97,242 квадр. миль, передъ которою кажутся ничтожными пространства всѣхъ европейскихъ государствъ. Дѣйствительно, одна Европейская Россія въ 31 разъ болѣе Австріи, въ 39 болѣе Франціи и почти въ 70 разъ болѣе Пруссіи и Великобританіи, взятыхъ порознь. Притомъ же, изъ этого пространства Европейской Россіи, только десятая часть, лежащая въ холодномъ поясѣ, вовсе не доступна для постоянного пребыванія въ ней человѣка, хотя и въ этой части онъ временно появляется, увлекаемый выгодами звѣринаго и рыбаго промысловъ. За то, если эта незначительная полоса отнимается самою природою отъ человѣка, то, съ другой стороны, та же природа надѣлила Европейскую Россію на значительномъ протяженіи такою почвою, какой не знаетъ западная Европа, а именно *черноземомъ*, толстымъ слоемъ котораго покрыта почти шестая часть Европейской Россіи.

Такая огромность пространства, занимаемаго нашимъ отечествомъ, невольно наводитъ мысль на громадность тѣхъ средствъ, которыя могутъ находиться въ распоряженіи государства для содержанія военной силы. Земля, на которой народъ живетъ и трудится, которая доставляетъ всѣ главнѣйшіе предметы для удовлетворенія самыхъ первыхъ потребностей человѣка, можетъ, во многихъ отношеніяхъ, служить указаніемъ на богатство и могущество самаго государства. Но обширность этихъ земель, какъ и все вообще, имѣетъ свою хорошую и дурную сторону. Не говоря уже о тѣхъ затрудненіяхъ административныхъ и финансовыхъ, которыя являются вслѣдствіе затрудненія обмѣна мыслями и произведеніями между различными частями такого огромнаго государства, скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ неудобствахъ, которыя такая громадность территоріи приносятъ собственно военному дѣлу. Точно такъ же, какъ она затрудняетъ многія дѣйствія общей государственной администраціи, тѣмъ болѣе еще она оказываетъ вліянія на военную администрацію, въ которой болѣе чѣмъ гдѣ либо необходима сосредоточенность,

централизація. При обширности государства, весьма трудно поддержаніе духа единства и единообразія въ вооруженной силѣ; части этой силы, находясь при совершенно различныхъ мѣстныхъ и климатическихъ условіяхъ, необходимо будутъ имѣть совершенно различныя потребности, и, притомъ, узнаваніе этихъ потребностей да и самое удовлетвореніе ихъ будетъ неминуемо связано съ большими затрудненіями. Такъ, наприимѣръ, у насъ солдаты гдѣ нибудь на Сыръ-Дарьинской линіи, или на Кавказѣ, или же гдѣ нибудь на отдаленномъ сѣверѣ находятся въ совершенно различныхъ условіяхъ: что пригодно одному на югѣ, то не годится для другаго на сѣверѣ; а, между тѣмъ, удовлетворить этимъ условіямъ необходимо, и нужно напередъ тщательно изучить самыя условія этого многообразнаго быта, потому что отъ этого зависитъ и самое сбереженіе силъ солдата. А удовлетвореніе это ведетъ къ еще болѣшему усложненію военно-административныхъ операцій. Нужна ли доставка чего либо необходимаго для военной силы, опять встрѣчаются затрудненія, истекающія прямымъ слѣдствіемъ изъ обширности пространства государства. Самыя заготовленія и храненіе всего необходимаго для военной силы, какъ-то: пороха, оружія, аммуничныхъ и продовольственныхъ запасовъ, не могутъ ограничиваться лишь нѣсколькими пунктами въ государствѣ, а, по необходимости, должны быть распределены по всему государству, чтобы, въ случаѣ надобности, въ каждой его части военная сила находила все необходимое для нея. Наконецъ, собственно въ военномъ отношеніи, громадность территоріи имѣетъ еще и то весьма важное неудобство, что, въ случаѣ необходимости употребленія военной силы въ дѣло на какой нибудь одной ея части, чрезвычайно затрудняется поддержка ея другими частями войскъ, находящимися въ другихъ краяхъ государства. Вообще же и вся защита такой обширной территоріи весьма затруднительна и неудобна. Одно, въ чемъ приписываютъ удобство обширной территоріи, это то, что, при оборонѣ, въ случаѣ вторженія непріятеля, участь страны не можетъ быть рѣшена однимъ проиграннымъ сраженіемъ. Не будучи готовы встрѣтить противника на самой границѣ, мы можемъ отступить во внутрь страны, собраться съ силами и тогда только уже ударить на него и прогнать его. Но эта выгода, какъ ни важна она, однако, не совсѣмъ удобна,

и всегда лучше было бы, если бы можно было обойтись безъ нея. Отступая во внутрь страны, мы отдаемъ во власть непріятеля всѣ очищенныя нами земли, которыя онъ можетъ или опустошить, или же занять своими войсками: въ обоихъ случаяхъ, выгода для насъ не очень утѣшительная.

Конечно, велики всѣ эти неудобства обширности земли русской, но всѣ они значительно блекнутъ передъ громадностію того назначенія, которое выпало на долю Россіи и которое требуетъ, во что бы то ни стало, этой громадности, какъ залога въ громадности тѣхъ средствъ, которыя должна употреблять Россія для выполненія задачи своей жизни—внесенія свѣта цивилизаціи въ заснувшую вѣковымъ сномъ Азію. Притомъ же, всѣ эти неудобства не неисправимы: желѣзныя дороги, пароходы и электрическіе телеграфы служатъ лучшими средствами для ихъ устраненія.

Обширность пространства Россійской имперіи заставляетъ предполагать и не менѣе обширное развитіе протяженія ея предѣловъ. И, дѣйствительно, одного взгляда на карту достаточно для того, чтобы вполне убѣдиться, какъ велико это протяженіе и какъ, притомъ, разнообразны эти границы. Такое протяженіе границъ можетъ быть весьма выгодно для государства, доставляя ему большее число точекъ соприкосновенія съ сосѣдями и, слѣдовательно, усиливая взаимныя между ними обмѣны мыслей, а также и торговыя сношенія. Но эта выгода можетъ существовать особенно тогда, когда сосѣди, дѣйствительно, превосходятъ насъ своимъ развитіемъ или же, по крайней мѣрѣ, стоятъ на одной съ нами степени образованія. Въ противномъ случаѣ, только въ нѣкоторой степени можетъ быть выгоденъ одинъ торговый обмѣнъ между сосѣдями. Россія же только западною своею границею прилегаетъ къ образованнымъ европейскимъ государствамъ, прочими же сторонами она соприкасается къ народамъ и государствамъ, которые сами ожидаютъ отъ нея свѣта и готовы подчиниться ея цивилизаціи. Конечно, моря много облегчаютъ подобныя международныя сближенія; но и ими Россія не можетъ похвалиться. Тѣ моря, которыя имѣютъ наибольшее значеніе для нея, омываютъ лишь самое незначительное протяженіе ея береговъ; другія же прилегаютъ къ мѣстамъ вовсе не

заселеннымъ и, по всей вѣроятности, никогда не приобретутъ для Россіи большаго значенія. Такимъ образомъ, все огромное протяженіе границъ Россіи можетъ быть раздѣлено на три категоріи: на границы *европейскія*, *азіатскія* и *морскія*. Какъ самыя свойства этихъ границъ, такъ еще болѣе значеніе ихъ относительно тѣхъ земель, къ которымъ онѣ прилегаютъ, чрезвычайно разнообразно и, по необходимости, должно вызывать весьма разнообразное развитіе на нихъ вооруженныхъ силъ. Это и заставляетъ насъ сдѣлать бѣглый очеркъ самымъ границамъ государства.

На западѣ, сухопутная граница начинается отъ береговъ Сѣвернаго океана и идетъ по впадающей въ него рѣкѣ Тана, которая отдѣляетъ русскія владѣнія отъ Норвегіи; затѣмъ она переходитъ на рѣки Муоньо и Торнео, по которымъ слѣдуетъ до впаденія послѣдней въ Ботнической заливъ. Послѣднія двѣ рѣки отдѣляютъ русскія земли отъ Швеціи. Суровость климата и бѣдность природы дѣлаютъ земли, прилежащія къ этой границѣ, малонаселенными, а вмѣстѣ съ тѣмъ и лишаютъ ихъ всякой важности въ военномъ отношеніи. Притомъ же, отдаленность этой границы отъ источниковъ средствъ государства и отъ всякихъ нѣсколько значительныхъ пунктовъ, которые бы могли сдѣлаться предметами военныхъ дѣйствій, лишаетъ ее всякой стратегической важности относительно цѣлаго государства. Отъ устья Торнео до города Полангена границею служитъ Балтійское море, имѣющее для Россіи наибольшее значеніе изъ всѣхъ омывающихъ ее морей. Близъ его береговъ расположена столица государства, на его водахъ сосредоточена вся главная масса нашего военнаго флота, наконецъ черезъ его посредство Россіи возможно ближайшее сношеніе не только съ прочею Европою, но и съ заатлантическимъ міромъ. Необходимость защитить доступы къ столицѣ, охранять нашу морскую торговлю, доставить укрытіе для нашихъ флотовъ,—все это требовало сооруженія на берегахъ этого моря нѣсколькихъ сильныхъ крѣпостей, которыя бы могли устоять противъ самаго могущественнаго непріятеля. И, дѣйствительно, здѣсь Свеаборгъ и Кронштадтъ такія твердыни, подобныхъ которымъ немного найдется въ мірѣ. Но самая непосредственная защита, въ случаѣ нужды, береговъ морскихъ связана съ большими затрудненіями. Множество мѣстъ, гдѣ воз-

можны высадки, еще болѣе увеличиваетъ эти затрудненія и требуетъ весьма значительныхъ военныхъ силъ вообще для обороны береговой линіи. Это и заставляетъ особыя надежды возлагать на военный балтійскій флотъ, который лучше всего можетъ содѣйствовать этой оборонѣ, не допуская непріятели получить господство на водахъ этого моря. Поэтому-то на усиленіе нашего балтійскаго флота и обращено особенное вниманіе нашего правительства. Но, сверхъ того, самыя свойства береговъ части этого моря, омывающаго Финляндію, требуютъ еще существованія особаго мелкаго флота, такъ называемой шерной флотиліи (*), которая бы могла принимать участіе и въ самой непосредственной оборонѣ береговъ Финляндіи, усѣянныхъ шхерами и островами. Ко всему этому надо прибавить еще и то, что Балтійское море около четырехъ мѣсяцевъ въ году покрывается льдами, что, конечно, уменьшая его значеніе для нашей навигаціи, увеличиваетъ оборонительную его силу, потому что непріятель не можетъ предпринимать на его берега высадки съ цѣлью продолжительныхъ военныхъ дѣйствій, а долженъ спѣшить окончить ихъ до закрытія навигаціи: иначе, онъ останется совершенно отрѣзаннымъ отъ своихъ сообщеній льдами. Для насъ же собственно замерзаніе Балтійскаго моря особенно важно въ томъ отношеніи, что, въ случаѣ войны, мы всегда за зиму, съ удаленіемъ непріятели, имѣемъ полную возможность исправить причиненный имъ вредъ и весною слѣдующаго года можемъ встрѣтить его съ совершенно свѣжими силами. Весьма же важный недостатокъ этого моря, кромѣ того, что оно замерзаетъ, это есть его замкнутость, при чемъ выходъ изъ него находится въ рукахъ Даніи. Собственно для торговли обстоятельство это, въ настоящее время, уже не имѣетъ никакого значенія, потому что взаимасмыя прежде Даніею пошлины съ проходившихъ купеческихъ судовъ теперь уже уничтожены. Но это можетъ оказать вліяніе въ томъ случаѣ, если флоту нашему по-

(*) Шерная флотилія состоитъ изъ канонирскихъ лодокъ, мелко спядящихъ въ водѣ и имѣющихъ переносный руль, что позволяетъ имъ съ равнымъ удобствомъ двигаться назадъ и впередъ, безъ поворотовъ, по узкимъ каналамъ между шхерами; кромѣ канонирскихъ лодокъ къ шерной флотиліи принадлежатъ еще разныя мелкія транспортныя суда и финляндскія лодки.

надобится выйти изъ Балтійскаго моря и если на свободный пропускъ его не будетъ получено согласіе Даніи.

Отъ Полангена начинается важнѣйшая часть нашей сухопутной границы съ Пруссією и потомъ съ Австрією. Эта часть сухопутной границы особенно важна, какъ мѣсто единственнаго сухопутнаго соприкосновенія Россіи съ Европою, тѣмъ болѣе, что на всемъ протяженіи своемъ она вовсе не прикрыта какими либо значительными естественными преградами. На протяженіи болѣе 2,200 верстъ, она только мѣстами слѣдуетъ по незначительнымъ, не стоящимъ поименованія рѣчкамъ. Вслѣдствіе того охраненіе этой части границъ требуетъ весьма значительныхъ пожертвованій со стороны правительства, какъ на постройку большихъ, сильныхъ крѣпостей, такъ и на содержаніе вдоль этой границы постоянныхъ армій и запасовъ, которые бы могли быть употреблены въ случаѣ войны, которая на этой границѣ всегда имѣетъ гораздо болѣе вѣроятности, чѣмъ на какой либо другой. Затѣмъ, далѣе, граница съ Дунайскими княжествами слѣдуетъ по р. Пруту отъ м. Новоселицъ до с. Катаморъ, гдѣ, отдѣляясь отъ Прута, слѣдуетъ условною линією на рѣчку Ялпужель, по которой спускается до стараго Болграда (Табакъ), не доходя котораго поворачиваетъ на востокъ и, слѣдуя частію по Троянову валу, частію по бывшей Аккерманской дорогѣ, доходитъ до окрестностей озера Бурнасъ, гдѣ, снова повернувъ на югъ, упирается въ берегъ Чернаго моря. Эта послѣдняя часть границы отъ с. Катаморъ, проведенная въ исполненіе условій Парижскаго трактата, не требуетъ особаго прикрытія, по невозможности предположенія здѣсь какихъ либо наступательныхъ дѣйствій со стороны Княжествъ.

На югѣ границы Европейской Россіи омываются морями Чернымъ и Азовскимъ. Изъ нихъ первое, по Парижскому трактату, признано нейтральнымъ, и входъ въ порты и воды его открытъ для торговаго мореплаванія всѣхъ народовъ и воспрещенъ военнымъ судамъ, кромѣ тѣхъ, которыя договаривавшіяся державы имѣютъ право содержать у дунайскихъ устьевъ (по два легкихъ морскихъ судна) и тѣхъ, которыя Россія и Порта предоставляютъ себѣ содержать на Черномъ морѣ, для нужныхъ по прибрежью распоряженій, а именно: каждая по шести паровыхъ судовъ въ 50 метровъ длины по ватеръ-линіи, вмѣстительностію не свыше

800 тоннъ (*), и по четыре легкихъ паровыхъ или парусныхъ судна, которыхъ вмѣстительность не должна превышать 200 тоннъ въ каждомъ. Сверхъ того, какъ Россія, такъ и Турція обязались не имѣть на берегахъ Чернаго моря никакого военно-морскаго арсенала. Такимъ образомъ, морское значеніе Россіи и Турціи на водахъ Чернаго моря было уравнено, но въ сущности перевѣсъ остался на сторонѣ послѣдней державы, которая всегда можетъ, въ случаѣ надобности, перевести свой военный флотъ изъ Архипелага и Мраморнаго моря въ Черное. Для Россіи же подобное усиленіе своего черноморскаго флота балтійскимъ невозможно, какъ вслѣдствіе отдаленности мѣстонахожденія послѣдняго, такъ еще болѣе и потому, что самый входъ въ Черное море находится въ рукахъ Турціи и сильно защищенъ ею. Вслѣдствіе того оборона береговъ Чернаго моря должна исключительно лежать на однихъ только сухопутныхъ войскахъ; а такая оборона всегда связана съ большими затрудненіями. Оттого южная, черноморская наша граница, по справедливости, можетъ назваться сравнительно слабою частію нашей европейской морской границы и нѣтъ никакого сомнѣнія, что, въ случаѣ войны Россіи съ какою либо морскою державою, Черное море вѣроятнѣе всего сдѣлается театромъ войны, такъ какъ здѣсь успѣхи могутъ всего легче достаться нашимъ противникамъ. Притомъ же, такъ какъ Черное море на значительнѣйшемъ протяженіи своихъ русскихъ береговъ вовсе не замерзаетъ, а у другихъ если и покрывается льдомъ, то на самое непродолжительное время, то военныя дѣйствія здѣсь могутъ продолжаться непрерывно круглый годъ, что чрезвычайно важно для настойчиваго и сильнаго противника.

Что касается собственно до Азовскаго моря, то оно вполне можетъ назваться внутреннимъ, территоріальнымъ русскимъ моремъ. Окруженное со всѣхъ сторонъ русскими владѣніями и замкнутое укрѣпленіями, возводимыми для защиты входа въ Керчь-Еникальскій проливъ, море это имѣетъ особенную важность для насъ, какъ вполне обезпеченный путь сообщенія съ вдающимся въ Черное море Крымомъ и устьемъ Кубани, составляющей уже нашу оборонительную линію противъ горскихъ племенъ.

(*) Метръ равняется 1,4061 аршина, а тоннъ, приблизительно, равняется 60 пудамъ.

Наконецъ, часть Чернаго моря, омывающая кавказскій берегъ, требуетъ особаго постояннаго охраненія военною силою. Здѣсь враждебныя намъ горскія племена издавна привыкли заниматься контрабандною торговлею, главные предметы которой составляютъ оружіе и невольники, а особенно невольницы, перепродаваемые для пополненія гаремовъ султана и турецкихъ сановниковъ. Очевидно, что Россія, какъ держава европейская и христіанская, не могла равнодушно смотрѣть на существованіе подобной торговли, тѣмъ болѣе, что торговля эта поддерживала связь горцевъ съ единовѣрною имъ Турціею и доставляла имъ оружіе и порохъ, которые они употребляли противъ насъ. Потому-то еще съ сороковыхъ годовъ положено было занять отдѣльными укрѣпленіями всѣ пункты восточнаго берега Чернаго моря, гдѣ только могутъ приставать суда. Съ этою-то цѣлью былъ построенъ на самомъ берегу моря цѣлый рядъ фортовъ, образовавшихъ Черноморскую береговую линію. Но фортами все-таки нельзя было занять рѣшительно всѣхъ пунктовъ, удобныхъ для приставанія отдѣльныхъ судовъ, а построенные форты не могли имѣть никакой активной дѣятельности: они защищали только тотъ одинъ пунктъ, который занимали. Положеніе гарнизоновъ въ нихъ было самое жалкое: окруженные со всѣхъ сторонъ враждебнымъ населеніемъ, лишены взаимной поддержки, получая все для нихъ необходимое лишь время отъ времени на судахъ, гарнизоны постоянно страдали сильною болѣзненностію и смертностію. Притомъ же, въ случаѣ войны съ непріателемъ, котораго флоты господствовали бы на Черномъ морѣ, форты эти могли быть безъ всякихъ усилій захвачены непріателемъ. А, между тѣмъ, собственно на прекращеніе контрабандной торговли они имѣли самое незначительное вліяніе. Все это и послужило поводомъ къ упраздненію, въ 1854 году, Черноморской береговой линіи, съ тѣмъ, чтобы впредь ограничиваться только крейсерствомъ военныхъ судовъ вдоль этого берега и предпринимаемыми иногда на берегъ высадками, съ цѣлью уничтоженія контрабандныхъ судовъ. Для этого служатъ суда черноморской нашей флотиліи и баркасы, имѣющіе отъ 20 до 30 человекъ азовскихъ казаковъ, которыхъ горцы еще болѣе боятся, чѣмъ большой флотиліи.

Въ Закавказьи граница Имперіи съ Турціею слѣдуетъ отъ Чернаго моря по Аджарскимъ горамъ, потомъ частию по р. Арпа-

чаю и р. Араксу до горы Араратъ, которая служитъ тройною границею между Россією, Турцією и Персією. Отъ Арарата начинается наша граница съ Персією, слѣдующая сперва сухимъ рубежомъ до р. Араксъ, потомъ по этой рѣкѣ, снова сухимъ рубежомъ, по р. Болгарѣ, Карадагскимъ горамъ и, наконецъ, по незначительной рѣкѣ Астара до впаденія ея въ Каспійское море. Граница эта отчасти обезпечена самою природою и наиболѣе доступныхъ частей представляетъ со стороны Персіи, которая, впрочемъ, по своему настоящему положенію, не опасна для Россіи. Но, для большаго усиленія закавказской нашей границы, здѣсь же сооружены достаточно сильныя крѣпости, изъ которыхъ каждая въ состояніи выдержать продолжительную и правильную осаду; сверхъ того, часть войскъ Кавказской арміи назначается для постояннаго обереженія Закавказья. Особенно важное значеніе граница эта приобретаетъ вслѣдствіе близости ея къ землямъ бывшихъ долгое время въ упорной враждѣ съ нами горцевъ. Обстоятельство это имѣло чрезвычайно важное военное значеніе, потому что, въ случаѣ какой либо неудачи нашей въ Закавказьи, положеніе наше въ этомъ краѣ съ враждебными намъ горными племенами въ тылу было бы самое незавидное. Что намъ легко можно было попасть въ подобное положеніе, это ясно доказала послѣдняя Восточная война, когда насъ спасли отъ такого положенія только ошибки нашихъ противниковъ да геройское мужество Кавказской арміи. Однакожь, надо было принять мѣры для того, чтобы и впредь не могло повториться то же самое, и вслѣдствіе того, тотчасъ послѣ окончанія Восточной войны, приступено было къ окончательному покоренію Кавказскихъ горъ, и главная часть этого важнаго дѣла уже совершена покореніемъ восточнаго Кавказа; надо полагать, что, при энергическихъ дѣйствіяхъ съ нашей стороны, и горы западнаго Кавказа недолго будутъ отстаивать свою независимость. Но покореніе горъ хотя и прекратитъ враждебныя дѣйствія горцевъ противъ насъ, одокожь, не въ состояніи заставить горцевъ прекратить и тѣ мелкіе хищническіе набѣги, которые, такъ сказать, составляютъ потребность природы горца. А потому необходимо обезпечивать принадлежащія намъ равнины отъ этихъ набѣговъ и, въ то же время, имѣть готовую силу для прекращенія всякихъ безпорядковъ, которые могли бы снова проявиться въ горахъ. Наилучшимъ

же образомъ можетъ быть достигнуто это, сохраняя тѣ линіи укрѣпленій и поселенныхъ войскъ, которыя существовали до настоящаго времени, а именно: Кавказскую линію, съ передовыми ея участками—Адагумскою линіею, Бѣлорѣчинскою, Лабинскою, Малолабинскою и Сунженскою линіями, заселенные черноморскимъ и кавказскимъ линейнымъ войскомъ, частію же заняты только одними регулярными войсками.

Каспійское море, омывающее юго-восточные предѣлы Европейской Россіи, можетъ быть, вполне названо русскимъ внутреннимъ моремъ, такъ какъ, по туркменчайскому миру, только русскому флоту предоставлено исключительное господство на водахъ этого моря, въ замѣнъ чего Россія обязалась охранять берега Персіи отъ туркменскихъ морскихъ разбойниковъ и, въ этихъ видахъ, владѣетъ морскою стаціею на островѣ Амурадѣ, въ Астрабадскомъ заливѣ. Сверхъ того, для Россіи Каспійское море имѣетъ весьма важное значеніе, какъ прямой кратчайшій путь сообщенія съ Закавказьемъ, замѣняющій собою кружной путь черезъ степи Астраханской и Ставропольской губерній и потомъ черезъ Кавказскія горы.

Дальнѣйшая граница Россійской имперіи съ владѣніями Средней Азіи, ханствами Хивинскимъ и Коканскимъ не была опредѣлена никакими трактатами, такъ что здѣсь могутъ быть названы только нѣкоторыя урочища, лежащія на чертѣ, до которыхъ, въ настоящее время, распространилось русское владычество. За черту эту, обыкновенно, принимается параллель 44° сѣверной широты, которая разрѣзываетъ пополамъ Усть-Уртъ (возвышенный перешеекъ между Аральскимъ и Каспійскимъ морями) и Аральское море и проходитъ южнѣе низовьевъ р. Сыръ-Дарья; далѣе границею можетъ считаться р. Сыръ-Дарья до форта Перовскаго (бывшая коканская крѣпость Акъ-Мечеть) и степная р. Чу. Аральское море, подобно Каспійскому, по справедливости, можетъ считаться русскимъ внутреннимъ моремъ, потому что у Хивинцевъ, владѣнія которыхъ прилегаютъ къ нему, вовсе не имѣется морскихъ судовъ.

Дальнѣйшая граница проходитъ уже съ китайскими владѣніями южнѣе озера Исыкъ-Куль по горамъ Кыргызнынгъ-Ала-Тау, на горы Ала-Тау и по этимъ послѣднимъ до верховья р. Иртыша, около озера Зайсанъ. Вдоль всей этой границы отъ

самаго Каспійскаго моря кочуютъ киргизскія племена: Черные Киргизы, или Буруты, и Киргизы Большой, Средней и Малой орды. Всѣ они признаютъ власть російскаго Императора, но не получили еще гражданскаго устройства, и занимаемыя ими степи ограждены съ сѣвера другою границею, или линіями Оренбургскою и Сибирскою. Первая изъ нихъ идетъ отъ Каспійскаго моря по Уралу, притоку его Илеку, потомъ по незначительнымъ рѣкамъ Куралѣ и Бердянкѣ и снова по Уралу до Орской крѣпости, откуда идутъ двѣ линіи: а) старая — по верхнему Уралу до Верхнеуральска и потомъ сухимъ рубежомъ на р. Уй, по которой идетъ до впаденія ея въ р. Тоболъ, и далѣе по этой рѣкѣ до границъ Западной Сибири до форпоста Песчанаго; б) новая — прямо отъ Орской крѣпости сухимъ рубежомъ до станицы Березовской, и, наконецъ, по Ую и Тоболу до границъ Сибири. Сибирская же линія, начавшись отъ форпоста Песчанаго, идетъ сухимъ рубежомъ черезъ Петропавловскъ къ Омску, откуда поворачиваетъ вверхъ по Иртышу до станицы Бухтарминской. Общее протяженіе какъ Оренбургской, такъ и Сибирской линій превышаетъ 3,500 верстъ. Для охраненія этой линіи и службы на ней назначаются уральскіе и оренбургскіе казаки на Оренбургской линіи и сибирскіе и линейные на Сибирской. Въ первое время принятія Россіею въ подданство Киргизовъ, вся эта линія имѣла весьма большое значеніе, потому что ограждала наши предѣлы отъ хищничества и грабежей этихъ кочевыхъ сосѣдей и покровительствовала караванной торговлѣ, которую Россія вела, черезъ земли этихъ кочевниковъ, съ средне-азиатскими ханствами. Но впоследствии времени оказалось, что вліяніе наше на Киргизовъ гораздо скорѣе и вѣрнѣе можетъ упрочиться, если будутъ внесены укрѣпленія въ самую степь. И, дѣйствительно, съ устройствомъ укрѣпленій въ самой степи, преимущественно на тѣхъ путяхъ, по которымъ двигаются торговые караваны, явилась возможность ближайшаго надзора за Киргизами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе удобствъ къ водворенію въ степи спокойствія и порядка; между Киргизами все рѣже и рѣже стали проявляться разбой и угоны скота, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самая линія значительно потеряла свое значеніе. Успокоеніе степи шло такъ успѣшно, что уже въ 1854 году изъ Киргизовъ Средней орды образованы области Семипалатинская и

Т. XVIII. Отд. II.

Сибирскихъ Киргизовъ, а въ 1859 году образована изъ Киргизовъ Малой орды тоже область Киргизовъ оренбургскаго вѣдомства, чрезъ что нѣкоторымъ образомъ совершается уже переходъ ихъ къ болѣе правильному гражданскому устройству. Затѣмъ въ прежнемъ положеніи остались только Черные Киргизы (Дикокаменные, или Буруты), кочующіе вокругъ озера Исыкъ-Куля, и Киргизы Большой Орды, кочующіе къ сѣверу отъ нихъ между озеромъ Балхашомъ и китайскою границею.

Дальнѣйшая граница съ Китайскою имперіею отъ верховья р. Иртыша слѣдуетъ по горамъ Алтайскимъ и Саянскимъ, потомъ, перейдя Становой хребетъ, идетъ къ р. Аргуни и по этой рѣкѣ до сліянія ея, у Усть-Стрѣлочнаго караула, съ р. Шилкою подъ названіемъ Амура. Вся эта часть границы лучше всего обезпечивается миролюбіемъ Китайцевъ, а отчасти и хребтами горъ, а потому здѣсь почти нѣтъ никакихъ военныхъ учрежденій и находящіеся посты только наблюдаютъ за границею.

Отъ сліянія Шилки съ Аргунью начинается часть новой границы нашей съ Китаемъ, которая даже и не вполне еще опредѣлена на мѣстности. Еще въ половинѣ XVII вѣка Русскіе владѣли уже Амуромъ и имѣли на немъ свое поселеніе Албазинъ; но, въ 1689 году, Амуръ былъ оставленъ и граница наша отодвинута на сѣверъ до горъ. Только уже въ послѣдніе годы, на основаніи договоровъ съ Китаемъ, заключенныхъ въ 1858 году въ Айгунѣ и Тянь-цзинѣ и въ 1860 году въ самомъ Пекинѣ, Россіи снова удалось придвинуться къ Амуру, владѣніе которымъ, какъ единственнымъ водянымъ путемъ, ведущимъ въ Восточный океанъ, существенно необходимо для Сибири. Новая граничная черта идетъ по Амуру, до впаденія въ него съ правой стороны р. Уссури, потомъ по ней и по рѣкѣ Сунгачъ до выхода послѣдней изъ озера Хинкай, затѣмъ пересѣкаетъ это озеро и идетъ къ рѣкѣ Беленъ-хе (Турь), отъ устья же послѣдней по горному хребту къ устью р. Хубиту, а отсюда по горамъ, лежащимъ между рѣкою Хуньчунъ и моремъ, до рѣки Ту-мынь-дзянь, въ 20 китайскихъ верстахъ отъ ея устья, и, наконецъ, по этой рѣкѣ до впаденія ея въ Восточный океанъ, южнѣе залива Посета. Такимъ образомъ, около 1,000 верстъ нижняго теченія Амура будетъ вполне находиться въ нашихъ владѣніяхъ, что можетъ имѣть весьма благотѣльное вліяніе на торговлю

всей Восточной Сибири. Высочайше утвержденный при устьѣ Амура областной городъ Николаевскъ можетъ сдѣлаться современнымъ чрезвычайно важнымъ торговымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и военнымъ пунктомъ на Восточномъ океанѣ, который разными частями своими омываетъ берега Восточной Сибири. Обиліе приамурскихъ странъ не подлежитъ никакому сомнѣнію; но обиліе это можетъ принести намъ существенную пользу лишь тогда, когда усилится чрезвычайно скудное до настоящаго времени населеніе. Съ этою цѣлью принимаются и правительственные мѣры, способствующія переходу новыхъ поселенцевъ на Амуръ не только изъ одной Сибири, но даже и изъ Европейской Россіи. Конечно, это должно принести свои благодѣтельные результаты, хотя бы и въ самомъ отдаленномъ будущемъ.

Вмѣстѣ же съ усиленіемъ населенія въ Восточной Сибири и особенно въ Приамурскомъ краѣ, усилится и наша торговля на Восточномъ океанѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ необходимо усилить на этихъ водахъ и нашъ военный флотъ, который бы покровительствовалъ этой торговлѣ. Все это, повторимъ еще разъ, только въ будущемъ, а въ настоящее время мы имѣемъ пока на Восточномъ океанѣ лишь самыя незначительныя морскія силы, для поддержанія сношеній нашихъ съ Китаемъ и Японіею. На новой же границѣ, для ея охраненія, въ послѣднее время, составлены амурскіе и уссурійскіе казачьи полки и баталіоны.

Части Восточнаго океана, омывающія на отдаленномъ востокѣ берега Сибири и русскихъ американскихъ владѣній, состоятъ изъ Охотскаго и Берингова (Бобровое, Камчатское) морей. Первое изъ нихъ образуется между сибирскимъ берегомъ, Камчаткою, островомъ Сахалиномъ и цѣпью Курильскихъ острововъ, сѣверная часть которыхъ принадлежитъ Россіи, а южная—Японіи; границею здѣсь между обѣими имперіями служитъ проливъ Фриза, между островами Урупомъ и Итуруномъ, изъ которыхъ первый принадлежитъ Россіи, а послѣдній—Японіи. Островъ же Сахалинъ, лежащій всего въ 50 миляхъ отъ сибирскаго берега, по трактату съ Японіею, заключенному, въ 1855 году, генералъ-адъютантомъ графомъ Путятинимъ, оставленъ, по прежнему, нераздѣльнымъ между обѣими державами, но на самомъ дѣлѣ можетъ вполне считаться исключительно принадлежащимъ одной Россіи. Берингово море окружено съ запада высокими и при-

глубокими берегами Сибири, съ востока — болѣе низменными и отмелыми берегами Америки, съ юга же закрыто принадлежащею Россіи цѣпью Алеутскихъ острововъ, идущую отъ Камчатки къ полуострову Аляскѣ, а на сѣверѣ, посредствомъ Берингова пролива, соединяется съ Ледовитымъ моремъ.

На самомъ отдаленномъ востокѣ русскія владѣнія въ Америкѣ прикасаются къ англійскимъ. Граница здѣсь обозначена по трактату 1825 года съ Англією и идетъ сперва по параллели $54^{\circ}40'$ сѣверной широты, потомъ до горы св. Иліи хребтомъ горъ, проходящимъ въ разстояніи не болѣе десяти миль параллельно берегу Восточнаго океана, и, наконецъ, до Ледовитаго моря по меридіану 141° западной долготы (отъ Гринича) американскія владѣнія Россіи отданы Россійско-Американской Компаніи, которая пользуется ими для своихъ звѣриныхъ промысловъ. Земли эти почти совершенно не населены и, кромѣ того, весьма отдалены отъ Россіи, а потому и не могутъ еще имѣть большой важности въ военномъ отношеніи. Даже въ случаѣ войны Россіи съ какою либо морскою державою, трудно допустить, чтобы американскія владѣнія были заняты непріателемъ. Такъ, на примѣръ, передъ пачаломъ послѣдней войны, положеніе Россійско-Американской Компаніи было весьма затруднительно, потому что она опасалась потерять свои владѣнія, а между тѣмъ, защищать ихъ было бы необыкновенно затруднительно и стоило бы чрезвычайныхъ пожертвованій. Это и побудило главное правленіе компаніи обратиться, въ февралѣ 1854 года, къ дирекціи англійской Гудзонбайской компаніи, съ землями которой граничатъ владѣнія нашей компаніи, съ предложеніемъ, чтобы, во время войны Россіи съ Англією, обѣимъ компаніямъ оставаться въ прежнихъ торговыхъ отношеніяхъ и ходатайствовать у своего правительства объ учрежденіи этого взаимнаго согласія. Сдѣлка эта была утверждена русскіимъ и англійскимъ правительствами и хотя не была официально признана Францією, но можно было надѣяться, что и Франція не нарушитъ нейтральности обѣихъ компаній. По договору, было постановлено, что владѣнія и имущество Россійско-Американской Компаніи остаются неприкосновенными, но гавани и берега могутъ быть блокированы и суда въ открытомъ морѣ подвергаются нападенію крейсеровъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, въ слу-

чаѣ войны, эти отдаленныя владѣнія Россіи будутъ пользоваться подобнымъ же обезпеченіемъ.

Весь сѣверъ Россійской имперіи отъ 141° западной долготы, на западъ до Варангерскаго залива, на границѣ Европейской Россіи съ Норвегіею, омывается Сѣвернымъ океаномъ, образующимъ около береговъ моря — Ледовитое съ Карскимъ и Бѣлое море. Первое изъ нихъ вѣчно бываетъ покрыто льдами, которые только въ продолженіе двухъ или трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ имѣютъ движеніе и даютъ нѣкоторую возможность судамъ подвигаться около береговъ. Есть, впрочемъ, и на немъ мѣста, гдѣ постоянно замѣчали полыньи. Но, вообще говоря, судоходства здѣсь быть не можетъ, и самыя описи береговъ были производимы, большею частію, въ саняхъ на собакахъ. По этой причинѣ и потому еще, что, кромѣ кочующихъ инородцевъ, на пустынныхъ предѣлахъ Сибири не встрѣчается никакого населенія, они вполне обезпечены отъ всякихъ враждебныхъ покушеній и не могутъ ни въ какомъ случаѣ сдѣлаться театромъ военныхъ дѣйствій. Что же касается до Бѣлаго моря, то для навигаціи оно бываетъ открыто съ исхода мая по исходъ октября, а въ остальное время года покрывается носящимися во множествѣ льдами и замерзаетъ у береговъ верстъ на десять, а въ заливахъ почти сплошь. Такимъ образомъ, навигація на немъ продолжается всего пять мѣсяцевъ; но это, разумѣется, для приходящихъ только судовъ, мѣстные же промышленники-мореходы, и особенно Поморцы, почти не знаютъ зимы и плаваютъ при всякой малѣйшей къ тому возможности. Бѣлое море, такъ же, какъ и Восточный океанъ, имѣетъ особенное значеніе для Россіи только какъ водяной путь сообщенія Россіи съ приморскими странами, не запертый узкими входами. Но, по кратковременности своей навигаціи и еще болѣе по отдаленности своей отъ внутреннихъ областей Россіи, оно значительно много теряетъ изъ этого значенія. Прежде еще, до приобрѣтенія Россіею Балтійскаго и Чернаго морей, Бѣлое море имѣло значеніе, какъ единственный морской путь сообщенія съ западною Европою, но теперь утратило и его.

Этого бѣлаго обзора границъ Россійской имперіи достаточно, чтобы видѣть, что Россія, хотя и обладаетъ весьма значительнымъ протяженіемъ морскаго берега, превосходящимъ про-

тяженіе сухопутной границы, однако, далеко не можетъ считаться морскою державою, а по преимуществу есть держава континентальная. Дѣйствительно, большое протяженіе морскаго берега, обуславливая собою большее или меньшее число приморскихъ жителей и большее или меньшее развитіе морскихъ промысловъ и торговли, служащихъ самою лучшею основою хорошаго военнаго флота, имѣютъ большое вліяніе на значеніе государства въ морскомъ отношеніи. Но, въ примѣненіи къ Россіи, выгода большаго протяженія морскаго берега значительно ослабляется свойствами морей и ихъ береговъ, не благопріятствующими развитію морскихъ силъ. Бѣлое море и Восточный океанъ слишкомъ отдалены, и берега ихъ вовсе не населены; сверхъ того, порты ихъ открыты для плаванія не круглый годъ. Моря Балтійское и Черное заперты узкими проливами, находящимися въ рукахъ иностранныхъ державъ, и первое изъ нихъ не всегда открыто для навигаціи. Наконецъ, моря Каспійское и Аральское, какъ не имѣющія сообщенія съ океаномъ, могутъ имѣть только отдѣльное, частное значеніе. Изъ этого видно, что географическія условія, независимо отъ финансовыхъ, стратегическихъ и другихъ, полагаютъ уже важное затрудненіе для значительнаго развитія морскихъ силъ Россіи. Но, при всѣхъ неудобствахъ русскихъ морей въ чисто активномъ отношеніи, многія изъ нихъ представляютъ выгоды въ отношеніи пассивномъ, оборонительномъ. Такъ, не говоря уже о надежномъ обезпеченіи сѣверныхъ береговъ Россіи водами Сѣвернаго океана, замѣтимъ, что замерзаніе Балтійскаго моря препятствуетъ, между прочимъ, производству высадки на его берега, если цѣль этой высадки такъ значительна, что не можетъ быть достигнута ранѣе закрытія навигаціи.

Такимъ образомъ, принужденная отчасти мѣстными данными, а отчасти и трактатами, ограничивать развитіе своихъ морскихъ силъ почти исключительно однимъ Балтійскимъ моремъ, Россія и сосредоточиваетъ на немъ все свое вниманіе, а вслѣдствіе того нашъ балтійскій флотъ получаетъ развитіе, вполне соответствующее значенію и силѣ государства. Измѣненія, происшедшія въ немъ вслѣдствіе замѣны парусныхъ судовъ паровыми, еще болѣе могутъ увеличить его знаніе, и, вѣроятно, въ случаѣ нужды, онъ покажетъ себя достойнымъ защитникомъ чести русскаго флага.

Гораздо болѣе обширно значеніе Россіи, какъ державы континентальной. Вслѣдствіе самаго географическаго положенія ея, для нея представляется обширное поприще для активной дѣятельности въ Европѣ и Азіи. Вдвинутая царствомъ Польскимъ почти въ самую средину центральной Европы, этимъ самымъ она становится невольною участницею во веѣхъ обще-европейскихъ вопросахъ. Съ другой стороны, прикасаясь на протяженіи до шести тысячъ верстъ къ Азіи, Россію не можетъ не интересоваться судьба этой огромной части свѣта, и потому неизбѣжно должна обнаруживаться ея вліятельная сила на ослабѣвшія и нуждающіяся въ возрожденіи азіятскія общества. Но роль и назначеніе Россіи въ обѣихъ этихъ частяхъ свѣта весьма различно. На западѣ роль эта скорѣе пассивная: здѣсь Россія достигла уже того значенія, что голосъ ея имѣетъ вѣсъ на дѣла обще-европейскія; распространеніе ея владѣній здѣсь сдѣлано уже на столько, на сколько требовали того политическія обстоятельства. Въ Азіи же роль ея чисто активная. Россія, поставленная съ самаго начала своего существованія въ непосредственное соприкосновеніе съ востокомъ, во имя человѣчества должна здѣсь стремиться все къ большому и большому преобладанію. И, дѣйствительно, здѣсь уже она успѣла принести человѣчеству немаловажную услугу. Не говоря уже объ ученыхъ экспедиціяхъ и тѣхъ ученыхъ изслѣдованіяхъ, которыя сдѣланы Русскими во многихъ частяхъ Азіи, Россія успѣла уже оказать цивилизаціи важныя услуги, положивъ сѣмена гражданственности на огромномъ пространствѣ отъ береговъ Чернаго моря до Восточнаго океана.

Особенно же усилилась дѣятельность здѣсь Россіи въ послѣднее тридцатилѣтіе. Въ этотъ періодъ времени, наука и просвѣщеніе черезъ посредство Россіи успѣли пробить себѣ съ русской стороны въ Азію пять путей, изъ которыхъ на каждомъ Россія оказала немаловажныя услуги. Въ западной Азіи, черезъ посредство Каспійскаго моря, Россія успѣла войти въ болѣе тѣсныя торговыя и политическія сношенія съ Персією, волворивъ спокойствіе на этомъ морѣ и прекративъ морскіе разбои Туркменцевъ. Далѣе, черезъ Аральское море, Россія открыла доступъ человѣчеству и наукѣ въ средне-азіятскія ханства и имѣла вліяніе на прекращеніе или возможное уменьшеніе ими торговли невольниками съ прикаспійскими Туркменами.

Затѣмъ, въ Семирѣчинскомъ краѣ, на бассейнахъ озеръ Балхаша и Исыкъ-Куля, вліяніе Россіи преимущественно обратилось на западную часть владѣній Поднебесной имперіи: здѣсь Россія установила торговыя сношенія съ этими владѣніями черезъ Чугучакъ и Кульджу (*), а русскіе ученые посѣтили и описали страны, которыя никогда не видѣли еще Европейцевъ. Наконецъ, по двумъ остальнымъ направленіямъ, черезъ Кяхту на Пекинъ и черезъ Амуръ, Россія дѣятельно содѣйствуетъ стремленіямъ всего человѣчества вывести Китай изъ его неподвижнаго состоянія и сдѣлать огромную массу его населенія участницею общечеловѣческихъ интересовъ. Сверхъ того, черезъ Амуръ и Восточный океанъ открывается путь вліянію Россіи на Японію, которая недавно только рѣшилась выйти изъ своей замкнутости и неподвижности.

Вслѣдствіе такого различія въ значеніи, выпавшемъ на долю Россіи въ Азіи и Европѣ, естественно, что и самыя вооруженныя силы ея, необходимыя для поддержанія этого значенія, должны быть весьма различны. Различіе это должно существовать уже на основаніи одного различія между пассивною ролью Россіи на западѣ и активной на востокѣ; но еще болѣе это различіе усиливается и вслѣдствіе самаго разнообразія тѣхъ странъ, на которыя приходится дѣйствовать Россіи. Самая громадная разность въ развитіи цивилизаціи Европы и Азіи полагаетъ существенное различіе и въ самыхъ способахъ обороны нашихъ европейскихъ и азіатскихъ предѣловъ. Со стороны запада непосредственная потребность въ оборонѣ представляется только во время объявленной войны, тогда какъ на востокѣ необходимо постоянное охраненіе границъ отъ хищничества сосѣдей, не признающихъ никакихъ международныхъ правъ. Но за то европейскія государства гораздо могущественнѣе азіатскихъ, и потому оборона западныхъ границъ Имперіи требуетъ несравненно большаго развитія вооруженныхъ силъ, чѣмъ оборона восточныхъ. По этимъ причинамъ, европейскіе предѣлы Россіи обезпечиваются большою по-

(*) По послѣднему договору съ Китаемъ, заключенному въ Пекинѣ, генералъ-адъютантомъ Игнатьевымъ, открытъ, въ этой части границы, еще одинъ пунктъ для нашей торговли, именно: Кашгаръ, гдѣ Россіи дозволено имѣть свои факторіи и своего консула. Кашгаръ лежитъ на юго западѣ отъ Исыкъ-Куля и слыветъ за одинъ изъ самыхъ обширныхъ торговыхъ рынковъ центральной Азіи.

стоянною арміею, которая, притомъ, не можетъ быть набрана лишь въ самый моментъ опасности, а должна быть заблаговременно обучена и подготовлена такъ, чтобы вполнѣ удовлетворяла всѣмъ современнымъ потребностямъ военнаго искусства. Притомъ же, такъ какъ между европейскими народами принято, что всегда начатію военныхъ дѣйствій предшествуетъ заблаговременное объявленіе войны то поэтому армія эта можетъ не быть сосредоточена постоянно на самой границѣ, чтобы не истощать и не обременять тѣхъ странъ, которыя прежде всего сдѣлаются театромъ войны, а безъ всякихъ неудобствъ можетъ быть отодвинута даже во внутрь государства, потому что, въ случаѣ объявленія войны, она всегда можетъ вовремя поспѣть для обороны границъ. Крѣпости на европейской границѣ должны быть не многочисленны, но большія и сильныя, для того, чтобы онѣ служили дѣйствительными опорными пунктами для войскъ и усиливали бы собою тѣ мѣстныя, територіальныя средства, какими владѣетъ страна. На случай же наступательной войны, крѣпости здѣсь значительно теряютъ свое значеніе, ибо тогда онѣ преимущественно обращаются въ склады, которые точно также хорошо могли бы помѣщаться и въ пунктахъ не укрѣпленныхъ. Наконецъ, для непосредственнаго охраненія границы, вездѣ на пограничныхъ линіяхъ строятся кордоны; но на западной границѣ они имѣютъ значеніе чисто только полицейское и содержатся пограничною стражею, которая не подчинена даже Военному Министерству, и только, въ помощь пограничной стражѣ, для противодѣйствія контрабандистамъ, командируются иногда на кордоны казаки или регулярныя войска, которыя на все это время непосредственно подчиняются таможенному начальству.

Совершенно иное видимъ на границѣ азійтской. Тамъ нѣтъ надобности въ хорошей, правильно обученной, постоянной арміи, а нужно, чтобы все населеніе было бы въ силахъ защищать свое жилье; притомъ же, опасности тамъ надо ожидать всегда и вездѣ. Народы и государства азійтскіе, имѣя совершенно другія противу Европейцевъ, или, лучше говоря, вовсе не имѣя никакихъ началъ для международныхъ сношеній, не считаютъ нисколько вѣроломнымъ нарушеніе заключенныхъ трактатовъ, особенно же съ невѣрными христіанами. Объявленія войны здѣсь нельзя ожидать; а военныя дѣйствія могутъ начаться во всякое время, безъ

всякихъ предупрежденій, часто по одному капризу какого нибудь владѣтеля, и тогда все населеніе подымается и идетъ войною, грабя и опустошая все передъ собою. Такимъ-то нашествіямъ цѣлыхъ массъ населенія надобно и противопоставлять равно же цѣлыя вооруженныя населенія. Самыя укрѣпленія здѣсь могутъ быть не сильны, не велики, но, главное, они должны быть, по возможности, болѣе часты, чтобы обезпечивали, такъ сказать, каждую осѣдность, каждый заселенный пунктъ. Оттого на азійской границѣ мы видимъ чрезвычайно большое число мелкихъ укрѣпленій, составляющихъ часто цѣлыя линіи. Самые кордоны здѣсь уже не имѣютъ того значенія, какъ на западно-европейской границѣ и должны служить не только для непосредственнаго наблюденія за границею, но и для охраненія пограничныхъ странъ отъ враждебныхъ покушеній сосѣдей, а равно и для постоянного наблюденія за этими сосѣдями. Вслѣдствіе того кордоны здѣсь являются въ видѣ отдѣльныхъ постовъ и карауловъ, часто даже укрѣпленныхъ, для занятія которыхъ мелкими частями войскъ опять-таки нѣтъ никакой надобности въ регулярныхъ войскахъ, а можетъ быть употреблено и мѣстное вооруженное населеніе. Итакъ, на азійской границѣ нужно совсѣмъ другое, чѣмъ на границѣ европейской: на ней нужно болѣе всего мѣстное вооруженное населеніе, множество мелкихъ укрѣпленій, постовъ, пикетовъ и станицъ, а иногда только, въ случаѣ нужды, и содѣйствіе войскъ регулярныхъ. На подобныхъ-то основаніяхъ и устроены у насъ линіи Кавказская, съ ея передовыми линіями, Уральская и Оренбургская, Сибирская и вновь устраиваемая Амурская. Но и этого часто еще оказывается недостаточнымъ. Часто, для того, чтобы обезпечивать спокойствіе среди кочевыхъ народовъ, не получившихъ еще гражданскаго устройства, и постоянно наблюдать за ними, устроиваются еще передовыя линіи и укрѣпленія, чтобы противъ угрожающихъ намъ постоянными нападеніями хищниковъ дѣйствовать тоже наступательно. Съ этою цѣлью устраиваются еще впереди линіи, среди самыхъ подчинившихся нашему вліянію народовъ, отдѣльныя укрѣпленія, которыя и служатъ опорными пунктами для наступательныхъ дѣйствій противъ того или другаго племени. Такъ устроены: Сыръ-Дарьинская линія, нѣкоторыя передовыя линіи и укрѣпленія на Кавказѣ, а также и укрѣпленія, воздвигнутыя нами въ Киргизскихъ степяхъ,

Итакъ, какой же общій выводъ должны мы сдѣлать изъ этого общаго разсмотрѣнія пространства и границъ Россійской имперіи? Мы видѣли, что изъ громадности занимаемаго ею пространства можно а ргіогі судить и о громадности тѣхъ средствъ, которыми можетъ располагать государство, и что, притомъ, средства эти должны быть дѣйствительно громадны, такъ какъ самая оборона столь обширной территоріи связана съ большими затрудненіями. Во вторыхъ, мы могли убѣдиться, что уже вслѣдствіе самой обширности территоріи, невзирая на весьма обширное протяженіе морскаго берега, Россія, по самому свойству омывающихъ ее морей, не можетъ быть первостепенною державою морскою, а должна довольствоваться ролью державы по преимуществу континентальной. Но, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, на Балтійскомъ морѣ, ей необходимо нуженъ, однако, флотъ, для лучшаго обезпеченія ея береговъ, при чемъ флотъ этотъ долженъ состоять изъ большаго военнаго флота и мелкой шерной флотиліи. Наконецъ, континентальное положеніе Россіи ставитъ ее въ необходимость содержать весьма разнообразныя и многочисленныя военныя силы. Ей нужны большія крѣпости и хорошо устроенная, обученная и вооруженная регулярная армія на западѣ и цѣлыя укрѣпленныя линіи, множество мелкихъ укрѣпленныхъ пунктовъ, обширное мѣстное вооруженное населеніе (казачество) и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ содѣйствіе регулярныхъ войскъ на востокѣ. Всѣмъ этимъ и обусловливаются, дѣйствительно, составъ и численность вооруженныхъ силъ Имперіи въ настоящее время. Въ Европѣ она содержитъ сильную постоянную армію съ многочисленными резервами, не считая войскъ Корпуса Внутренней Стражи и линейныхъ; сверхъ того, на западно-европейской своей границѣ она имѣетъ двѣ линіи сильныхъ и большихъ крѣпостей. Затѣмъ, на Кавказѣ, въ Оренбургскомъ краѣ и въ Сибири она содержитъ множество укрѣпленныхъ линій, и пунктовъ, и мѣстъ, многочисленное казачье мѣстное населеніе, поддержанное частію линейными баталіонами, а частію, какъ на Кавказѣ, и войсками постоянной арміи. При такомъ полномъ и стройномъ развитіи вооруженныхъ силъ Россіи, нечего опасаться, чтобы она гдѣ либо утратила то значеніе, которое выпало ей на долю вслѣдствіе прошедшей ея исторической судьбы. Остается только желать,

чтобы, въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ, вооруженныя силы ея, постоянно совершенствуясь, достигали возможно наибольшаго улучшенія и чтобы, при этой очевидной необходимости огромной количественности вооруженныхъ силъ, все болѣе и болѣе улучшающаяся качественность ихъ допускала уменьшать количественность.

Н. ГЛИНОЕЦКІЙ.
